
ИСТОРИЯ ИДЕЙ

УДК: 1(091), 316.1, 316.7, 130.2 DOI: 10.31249/hoc/2024.01.06

Малинкин А.Н.*

С.Л. ФРАНК О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ МАРКСИЗМА И ПОДЛИННЫХ ИСТОКАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ®

Аннотация. В статье рассматриваются социально- и культурно-философские взгляды С.Л. Франка. В центре внимания автора – критика Франком социологии К. Маркса. Опираясь на анализ текстов Франка, автор показывает, что он считал взгляды Конта и Маркса, несмотря на различия между ними, по существу близкими и негативно относился к «научной социологии», поскольку ее методологией являлся натурализм. Позиция Франка сравнивается с отношением к позитивизму и марксизму К. Мангейма и М. Шелера. Автор подчеркивает актуальность взглядов Франка на истоки и движущие силы русской революции, поскольку современная социология, по большей части все еще ориентированная на естественно-научный идеал научности, принципиально недооценивает духовно-нравственные основы человеческой социальности.

Ключевые слова: С.Л. Франк; К. Маркс; социология; марксизм; исторический материализм; духовно-нравственные основы челове-

* *Малинкин Александр Николаевич* – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН, Москва, Россия; lo_zio@bk.ru

Malinkin Alexander N. – PhD in Philosophy, Leading Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia; lo_zio@bk.ru

© Малинкин А.Н., 2024

ской социальности; русская революция; ресентимент; человек; личность.

Поступила: 10.07.2023

Принята к печати: 17.08.2023

Для цитирования: Малинкин А.Н. С.Л. Франк о духовно-нравственных предпосылках марксизма и подлинных истоках русской революции // Вестник культурологии. – 2024. – № 1(108). – С. 94–111. – DOI: 10.31249/hoc/2024.01.06

Malinkin A.N.

**S.L. Frank on spiritual and moral prerequisites
Marxism and the true origins of the Russian revolution**

Abstract. The article deals with the social- and cultural-philosophical views of S.L. Frank. The author focuses on Frank's criticism of the sociology of K. Marx. Based on the analysis of Frank's texts, the author shows that he considered the views of Comte and Marx, despite the differences between them, essentially close and had a negative attitude towards "scientific sociology", since its methodology was naturalism. Frank's position is compared with the attitude towards positivism and Marxism of K. Mannheim and M. Scheler. The author emphasizes the relevance of Frank's views on the origins and driving forces of the Russian revolution, since modern sociology, for the most part still focused on the natural scientific ideal of scientific character, fundamentally underestimates the spiritual and moral foundations of human sociality.

Keywords: S.L. Frank; K. Marx; sociology; Marxism; historical materialism; spiritual and moral foundations of human sociality; Russian revolution; resentment; man; personality.

Received: 10.07.2023

Accepted: 17.08.2023

For quoting: Malinkin A.N. S.L. Frank on spiritual and moral prerequisites Marxism and the true origins of the Russian revolution // Herald of Culturology. – 2024. – № 1(108). – P. 94–111. DOI: 10.31249/hoc/2024.01.06

С.Л. Франк (1877–1950) – один из самых ярких представителей русской философской мысли. Его взгляды на марксистскую социологию и социологию как особую дисциплину вообще формировались в конце XIX и начале XX века. Тогда марксизм и позитивизм больше, чем какие-либо другие социальные учения, увлекали умы и сердца молодых людей, особенно в России. Франк не стал исключением. В начале XX века он жил в Германии. Там он учился политической экономии и философии в университетах Гейдельберга и Мюнхена и в 1900 г. опубликовал монографию «Теория ценности Маркса¹ и ее значение. Критический этюд» [Франк, 1900].

1

В ранних статьях и книгах Франка виден его интерес ко взглядам О. Конта, Э. Дюркгейма, Г. Спенсера, К. Маркса и др. Так, в упомянутой выше монографии о Марксе он открывает для себя его «гениальное» прозрение в теории товарного фетишизма. Франка интересует проблема формирования из индивидуальных оценок надындивидуальных ценностей, подходы к осмыслению которой он обнаруживает в социологии Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля. Если сторонники субъективной теории ценности упустили ее из виду, то Маркс обратил внимание на один «мистический» социокультурный феномен: меновые отношения людей, получая денежное выражение, приобретают социальный характер. Они трансформируются в «*объективное свойство товара*», а сам товар превращается в социальный «иероглиф». Франк интерпретирует теорию товарного фетишизма Маркса как «начало объяснения коллективной и потому объективной – стоящей вне отдельных людей – ценности из индивидуальных субъективных оценок» [Франк, 1900, с. 356].

Подмеченный Марксом в теории товарного фетишизма «процесс объективизации при образовании коллективных оценок есть только частный случай общего закона социально-психологической объективизации представлений и волевых актов», – считает Франк. «Явления права, этики, общественных верований, принципов и идей, вообще все явления социальной культуры, представляются нам как нечто существующее объективно, стоящее вне желаний, взглядов и суждений отдельных людей и управляющее ими. И между тем все эти явления суть только продукт психического взаимодействия отдельных лю-

дей...» – заключает он [Франк, 1900, с. 357]. Франк убежден, что «...этот своеобразный социологический процесс» составляет «самую характерную и важнейшую черту социальных явлений вообще, или скорее даже единственный конститутивный признак их...» [там же, с. 357].

Таким образом, перед нами зачатки философии культуры Франка, в которой он придерживается психологизма в методологии. Можно сказать, что его культурфилософия берет свое начало с интерпретации социальной философии Маркса. Взгляды на общество и культуру Франк развивает в статьях «Проблема власти» и «Сущность социологии» [Франк, 1909]. В них он присоединяется к так называемой психологической школе в социологии, ссылаясь на «интерментальную» психологию Г. Тарда и Дж. Болдуина.

Важной вехой в эволюции взглядов Франка стала монография «Предмет знания». В последовавшей за ней книге «Очерк методологии общественных наук» он отказывается от психологизма и объявляет свои ранние статьи более не соответствующими его актуальным воззрениям [Франк, 1922, с. 121]. Он подвергает жесткой критике социологию как дисциплину, претендующую на то, чтобы стать методологией социального познания, и переходит на позиции «трансцендентализма», который истолковывает в духе Плотина и Н. Кузанского. Свою методологию он квалифицирует как «*универсализм*» и противопоставляет ее «*сингуляризму*», «*индивидуализму*», «*атомизму*». «Универсализм, – пишет он, – ...исходит из понятия общества как целого или как подлинного единства, несводимого к сумме или совокупности отдельных людей и имеющего свою самобытную природу, которая, как таковая, и есть предмет изучения обществоведения» [Франк, 1922, с. 49].

«Очерк методологии...» представлял собой, по словам автора, «сжатый конспект курса лекций», прочитанного в Саратовском университете и Институте народного хозяйства. Почти всё, что было сказано Франком в этом очерке, сохранило для него значимость и в поздний период творчества. Но целью очерка было обоснование собственной методологии социального познания посредством критики «господствующих методологических построений». В развернутом и углубленном виде Франк изложил свою философию культуры, истории и общества работе «Духовные основы общества» (1929).

Мы полагаем, что на эволюцию мировоззрения Франка повлияли не только новейшие веяния философской мысли Европы, но также Первая мировая война, две русские революции, вынужденная эмиграция и накопившийся под действием всего этого личный духовно-нравственный опыт. Русский философ остро переживал тот факт, что большевики, захватившие в России власть, превратно толкуя марксизм, сделали из него «государственную религию», «обязательное казённое вероисповедание».

«Ему (марксизму. – А. М.) обучают в школах детей и молодежь, его пропагандируют множества брошюр, принудительно распространяемых среди населения, его излагают по тому или иному частному поводу, чуть не в каждом номере любой газеты; а все, что ему противоречит или с ним не согласуется, старательно уничтожается и не допускается к обращению. (...) ...Вся эта принудительно навязываемая, со всех сторон напиральная на русского человека казённая доктрина настолько приелась, опостылела и набила оскомину, что большинство русских людей (в том числе, кажется, и многие коммунисты) просто не в силах серьезно обдумать ее; они глотают ее, как горькое лекарство, когда это необходимо “по службе”, но никакими силами не принудишь их призадуматься над ней и правдиво выяснить свое подлинное отношение к ней» [Франк, 1926, с. 3].

2

Итак, после 1922 г. акцент в восприятии Франком социально-философского учения Маркса сместился с поиска гениальных прозрений немецкого мыслителя на критику духовно-нравственных предпосылок этого учения. Перед лицом того, что марксизм в СССР превратился в государственную идеологию и, овладев под давлением большевиков массовым сознанием, стал реальной угрозой, Франк посчитал необходимым показать глубокие заблуждения Маркса и внутренние противоречия его доктрины. Опираясь на анализ восьмилетнего опыта Советской России, Франк показывает несостоятельность попыток большевиков реализовать на практике принципы исторического материализма.

«Марксизм есть некое целостное всеобъемлющее жизнепонимание. Именно своей целостностью, своим внутренним единством, тем обстоятельством, что он имеет ответ на все основные вопросы челове-

ческой жизни, и притом ответы, с одной стороны, очень простые и всем доступные, и, с другой стороны, по крайней мере, на первый взгляд, согласующиеся между собой и вытекающие из основного, намеченного жизнепонимания – марксизм более всего подкупает и соблазняет. Необходимо признать, что марксизм есть одно из самых смелых и захватывающих созданий человеческого ума. Но вместе с тем, теперь, на основе всего исторического опыта, который имело европейское человечество со времени возникновения этой доктрины, т.е. с 50–60-х годов XIX века, мы вправе сказать, что марксизм есть одно из величайших заблуждений человеческого ума; а на основе опыта русской революции, пытавшейся осуществить марксизм в жизни, мы вправе добавить, что он есть также одно из самых губительных и зловердных заблуждений» [Франк, 1926, с. 5].

Обычно думают, продолжает Франк, что основа марксизма – это его экономическое учение и вытекающее из него политические воззрения. На самом деле они даже не составляют главное в его содержании, считает он. Для марксизма «столь же, если не еще более важно его социологическое учение, именно так называемый “экономический” или “исторический материализм”» [Франк, 1926, с. 5]. «Социологическим учением марксизма является ... теория “экономического” или “исторического” материализма, согласно которой все общественное и идеологическое развитие определено развитием хозяйственным, борьбой за хозяйственные интересы. Как ни важна экономическая теория марксизма, его центральной основополагающей частью является именно это социологическое учение, ибо в нем сосредоточена вся жизненная философия марксизма» [Франк, 1926, с. 21–22]. Мы должны признать, писал он, что экономический материализм содержит в себе «несомненную долю правды, хотя и выражает ее в незаконно-универсальной, а потому искажающей форме» [Франк, 1926, с. 23].

Не подлежит сомнению, продолжает он, что возникающие в определенную историческую эпоху идеи и в особенности общественные идеи несут на себе отпечаток своей эпохи, отражают ее жизненный стиль. Но ясно и то, что именно эта историческая печать ограничивает объективное значение идей, определяет их односторонность и субъективизм. Здесь Франк вступает в сферу социологии культуры и социологии знания, опережая известный ход мысли К. Мангейма в «Идеологии и утопии»: «И вот в этом смысле мы не только вправе, но и обя-

заны применить эту общую социологическую мысль и к самой теории экономического материализма, – заявляет Франк. – Теория эта в известной мере есть продукт эпохи, в которой она сложилась, отсюда объясняется одновременно и доля истины, в ней заключенная, и ее слабость. Экономический материализм, хотя и с некоторым преувеличением, но верно передает, так сказать, *стиль жизни в новейшую капиталистическую эпоху западноевропейских стран*» [Франк, 1926, с. 23].

По мнению Франка, в экономическом материализме со всей определенностью выражен *дух капитализма*. Вот как он характеризует его: «Доминирование хозяйственных интересов над всеми другими жизненными интересами, примат экономики над политикой, правом, нравственностью и религиозной жизнью, господство той холодной буржуазной прозы, при которой едва ли не вся человеческая жизнь, как индивидуальная, так и общественная, подчинена единой жажде наживы, и все человеческие отношения становятся служебными орудиями для экономического преуспевания, – таков внутренний дух капитализма, с большой чуткостью уловленный в учении экономического материализма» [Франк, 1926, с. 23]. Но этот дух, утверждает Франк, не просто верно уловлен в этом учении Маркса – оно *«из него само родилось и само им проникнуто»* [Франк, 1926, с. 23].

«Своеобразие определенной исторической эпохи оно превращает в вечную и универсальную истину человеческой жизни. Как бы гипнотизированный этим историческим состоянием европейского духа, экономический материализм с объективной точки зрения совершенно незаконно обобщает это состояние, утверждая, что так было, так есть и так всегда будет. Экономический материализм совсем не есть новая и абсолютная истина, возвышающаяся над буржуазно-капиталистическим строем и выражающая новую прогрессивную идеологию будущего; он: есть, напротив, попытка *увековечить и прославить, в качестве вечной основы человеческой жизни, то духовное и нравственное разложение, которыми отмечена буржуазно-капиталистическая эпоха*» [Франк, 1926, с. 24].

Это неправда, утверждает Франк, будто человеческая жизнь всегда и везде складывалась под действием одних экономических сил и интересов, как утверждает исторический материализм. Из игры экономических отношений и интересов нельзя объяснить правдиво и без

натяжек ни возникновения христианства, ни крестовых походов, ни роли церкви на Западе и в России в формировании жизни, ни развития национальных государств, ни еще многого другого в прошлом. Тогда люди руководствовались иными, более сильными мотивами, жизнь определялась религиозными верованиями, национальными страстями или нравственными воззрениями, и сама экономическая жизнь подчинялась им. «Только современный человек, потерявший веру в Бога, веру в объективные духовные ценности, дошел до такого состояния, при котором его общественную жизнь определяют одни лишь экономические страсти», – справедливо заключает Франк [Франк, 1926, с. 24].

Отсюда его вывод об идейно-ценностной двойственности марксизма: «Поскольку экономический материализм есть учение, *разоблачающее* духовную пустоту, бессмыслие и бесплодие современного человека, он совершенно прав. Но поскольку именно в этой духовной опустошенности он усматривает вечное и необходимое состояние человеческой общественной жизни, он сам находится в плену у эпохи, его породившей, и потому есть не объективная истина, а субъективное измышление, плод духовного безвременья» [Франк, 1926, с. 24]. И на этой мнимой «истине», продолжает Франк, марксизм хочет построить «новое» мировоззрение и обосновать начала нового общества. «С этой точки зрения сам экономический материализм есть не что иное, *как культ буржуазности*» [Франк, 1926, с. 25]. «Он (экономический материализм. – А. М.) безусловно прав, поскольку он есть именно *разоблачение* духа нигилизма и корысти, господствующего в буржуазном обществе; и он совершенно неправ и есть сам выражение грубого и глупого нигилизма, утерявшего чутье к духовным началам человеческой жизни, поскольку свою теорию он проповедует как вечную и всеобъемлющую характеристику человеческой жизни» [Франк, 1926, с. 25].

Примерно в это же время Макс Шелер в своей «социологии знания» осмысливал теоретические следствия поразительной слепоты западных мыслителей в отношении культурно-цивилизационных предпосылок своих доктрин – слепоты, основанной на «европоцентристском предрассудке», имеющим, как он отмечал еще в 1914 г. [Шелер, 2022], расистские и колонизаторские корни: «...хотя экономизм (как думал Маркс) и не действителен в отношении *всей* истории Запада или даже всего человечества... но фактически он действителен

в общих чертах в отношении одной строго ограниченной эпохи поздней западноевропейской истории, и только западноевропейской истории...» [Шелер, 2011а, с. 39]. «...То, что Конту казалось магистральным направлением человеческого знания, предстает лишь как частное, второстепенное, а в некоторых отношениях даже попятное направление западноевропейского мышления на небольшом отрезке всемирно-исторического движения знания» [Шелер, 2011б, с. 245].

Становится ясно, почему Франк не отвергал с порога марксистский социологизм как методологию социально-классового подозрения и разоблачения [Малинкин, 2021], – он считал необходимым ограничить узким сегментом область его применения. Когда, например, экономический материализм утверждает, что современные международные отношения, дипломатия определяются борьбой капиталистов разных стран за мировой рынок, «он говорит нечто, во всяком случае весьма правдоподобное», пишет Франк. «Но когда он же пытается утверждать, что поэзия Пушкина есть продукт “дворянских экономических интересов”, или что философия Канта отражает мировоззрение “мелкой буржуазии”, или что христианство было при своём возникновении восстанием неимущих, а потом стало орудием охранения привилегий господствующего класса и т.п., – то он говорит просто грубую нелепость, развивает глупейшую мифологию, которая от объяснения, например, грома грохотом небесной колесницы, в которой катается пророк Илья, отличается только одним – своим цинизмом» [Франк, 1926, с. 25].

Кроме натурализма как главного конститутивного порока марксистской социологии и слепоты в отношении собственных социокультурных предпосылок, а также необходимо связанной с ней неспособности предъявить к себе самой такие же теоретико-методологические требования, какие она предъявляет к другим социологическим доктринам, Франк выявляет еще три фундаментальные слабости социологии в ее марксистском изводе. А именно, речь идет о той узкой и одномерной философско-антропологической концепции, что лежит в основании всего учения Маркса, а также о глубинном внутреннем противоречии марксистской философии истории, обусловленной ее скрытым техницизмом и явным прогрессизмом. Рассмотрим их поочередно.

3

Концепции общества и истории Франка неотделимы от его философии культуры, в основе которой лежит христианская нравственная философия. Вместе они образуют единое целое, фундированное в персоналистской религиозной антропологии. Франк считал творцом культуры человеческую личность: по его убеждению, она и ее деяния играют в построении общества и истории исключительную роль. Так, еще в 1905 г. он писал:

«...Мы исходим из идеи *личности* как носителя и творца духовных ценностей, осуществление которых в общественно-исторической жизни образует содержание *культуры*... Личность для нас священна сама по себе, в силу присущего нам морального сознания, которое гласит, что человек должен всегда рассматриваться как цель и никогда – как простое средство, и требует от нас уважения ко всякой человеческой личности как таковой. И личность для нас священна, как живая и вечная лаборатория духовного творчества, как единственная на земле реальная точка, в которой и через которую действует божественный дух. Нет блага, которое было бы благом само по себе, если оно не служит личности; нет священной цели, кроме цели служения свободе и развитию личности» [Франк, 1990, с. 69].

Исходя из своих религиозно-антропологических воззрений, изложенных в развернутом виде в 1929 г. в книге «Духовные основы общества» [Франк, 1992, с. 75–77], Франк оценивал духовно-нравственные предпосылки марксизма. «...Учение экономического материализма можно свести к формуле: “человек есть свинья”», – констатировал Франк [Франк, 1926, с. 26]. Это «горькая правда», что современный человек действительно стал свиньей, подтверждает он. В отличие от сентиментального утопизма Руссо, который считал, что все люди добры по природе, марксистское видение человека возвращает нас к суровому реализму общественно-исторической жизни. Оно по сути совпадает с церковным учением о грехопадении человека, согласно которому «весь мир во зле лежит».

«Но нельзя вместе с тем забывать, что это... состояние несоответствующее истинному назначению и подлинному существу человека. Нельзя забывать, – пишет Франк, – что мир держится не “свиньями”, а “праведниками”, которые не перевелись и в наши дни, и бескорыстное служение которым правде одно лишь в состоянии совершенствовать

жизнь и утверждать в ней порядок и право. Поэтому человек, утверждающий это суждение (что человек есть свинья) в абсолютной и всеобъемлющей форме и на этом основании отвергающий всю духовную жизнь человечества, этим только свидетельствует, что он сам “есть свинья”» [Франк, 1926, с. 26].

Между тем узость и односторонность марксистской концепции человека заключается в том, что человек в ней – существо хозяйственное *parexcellence, homoeconomicus*. Да, действительно, соглашается Франк, «жизнь строится не отвлеченными теориями и рассуждениями о добре, не проповедями политиков, не какими-либо доктринами вообще, а стихийными, глубоко в почве народного бытия укорененными жизненными силами. Что к этим силам должны быть причислены и потребности хозяйственной жизни и что в некоторые эпохи, именно в эпоху господства “буржуазного” бездушия, эти хозяйственные нужды играют доминирующую роль – это совершенно бесспорно. *Но почему эти силы должны быть силами только хозяйственного порядка?* – спрашивает Франк. – *Почему могучие, глубоко в человеческом духе и в народных массах заложенные силы религиозных верований или национальной страсти не могут также входить в состав этих стихийных, внутренних двигателей исторической жизни?* Объективный исторический опыт свидетельствует, что историческая роль этих духовных сил чрезвычайно велика, и их тупое и упрямое отрицание свидетельствует только именно об “обездушенности” и потому об историческом бессилии самих отрицателей» [Франк, 1926, с. 26]. (Курсив наш. – А. М.)

На примере русской революции Франк противопоставляет марксистской собственную философию истории. Исходя из своей концепции человека, намного более глубокой, чем марксистская, а также из понимания сущности общественно-исторического процесса, он не только верно объяснил подлинные истоки и движущие силы русской революции, но и предсказал причины будущего конца большевистского режима.

Русская революция, пишет Франк, родилась «из духовной, культурной отчужденности народных масс от высших образованных слоев русского дореволюционного общества и из стремления крестьян к культурной и общественной самостоятельности. “Классовая борьба” между мужиком и “барином” была лишь в ничтожной мере эко-

номическим антагонизмом, в сущности это был антагонизм между двумя слоями с разным мировоззрением, с разным культурно-духовным обликом. Эту давнишнюю, со времени крепостного права и всей петербургской эпохи русской истории укрепившуюся рознь, которую не успели до конца устранить позднейшие реформы, умело использовала коммунистическая партия, санкционировав ее своим учением о классовой борьбе “рабочих и крестьян” против “помещиков и капиталистов”» [Франк, 1926, с. 27]. (Курсив наш. – А. М.).

На наш взгляд, абсолютно верна мысль Франка о том, что одной из главных движущих сил русской революции стал крестьянский ресентимент, глубоко затаённая обида мужика на «бар» и «господ». «Благодаря этим своеобразным, чисто духовно-общественным силам, благодаря этому давнишнему, совсем не экономическому, а культурно-историческому чувству “обиды”, которое жило в сердцах крестьян и их страстному желанию смести “бар” и стать хозяевами на Руси, коммунистам удалась одна из самых грандиозных революций в мире; и она удалась им только потому, что на описанную иррациональную, экономически совершенно нецелесообразную страсть народных масс населения наслои́лся и с ней слился идейный фанатизм социалистического мировоззрения, давно воспитанный в значительной части русской интеллигенции, неустанно проповедуемый большинством русских писателей начиная с 40-х годов XIX века. Большевики, приписывая себе первенствующую и огромную организаторскую роль в русской революции, в известном смысле совершенно правы – без них она не приняла бы характера революции социалистической. Но они не замечают, или не хотят признаться, что этим они опровергают теорию экономического материализма» [Франк, 1926, с. 27–28]. (Курсив наш. – А. М.).

До сих пор многие социологи и политологи игнорируют ту существенную роль, которую в истории могут играть и на самом деле играют чувства и эмоционально-волевые комплексы, овладевшие массами, – прежде всего такие, как ресентимент, зависть, ненависть. Почему? Потому что *нерациональная* природа последних плохо вписывается в общепринятые рационалистические нормативы социальной и политической науки. Но возникает вопрос, что важнее: истина как соответствие реально-исторической действительности или принципиальная научность самого подхода к ней?

Франк не был сторонником научности ради научности – для него всегда была важнее историческая правда. Он не боялся называть вещи своими именами, поэтому оказался ближе к истине не только как социальный аналитик, но и как социальный диагност и прогнозист. «Русская революция есть классический исторический пример того, как глубокие иррациональные народные страсти не-экономического порядка, сочетаясь с идеологической страстью вождей, могут приводить к огромным, неслыханным по своей значительности историческим последствиям, – писал он. – И нет ни малейшего сомнения в том, что как коммунизм восторжествовал не по экономическим причинам, так некогда он и погибнет тоже не по экономическим причинам, а в результате духовной реакции на него стихийных жизненных потребностей, реакции, оплодотворенной более соответствующим ей идейным мировоззрением» [Франк, 1926, с. 28].

Анализ причин распада СССР подтверждает правоту Франка. Материалистическая недооценка роли в истории человеческих чувств и душевно-духовных факторов вообще – наследие 70-летнего господства марксизма-ленинизма – явилась, на наш взгляд, одним из главных факторов, которые привели к трагическим событиям новейшей истории России: к распаду Советского Союза и как следствие к войне с Западом, разворачивающейся в наши дни.

4

Фундаментальным теоретическим положением марксистской социологии, которое, по мнению Франка, не выдерживает критики, является ее *технизм*, скрытый в концепции примата производительных сил над производственными отношениями. На первый взгляд, первичным двигателем исторического развития, согласно экономическому материализму, является экономическая жизнь, ее развитие, а также вызываемая им борьба интересов. Она определяет всю общественную и духовную жизнь, всю идеологию эпохи. «Но сама экономическая жизнь производна от развития *способов производства, т.е. от технического развития*, – утверждает Франк. – В общей социологической схеме, рисуемой марксизмом, экономическая жизнь есть, таким образом, не первичный двигатель человеческого развития, а как бы лишь вторичный и универсальный передаточный механизм. Вся же машина исторического развития приводится в движение непрерывным

развитием *техники*. Наличием той или иной ступени развития техники всецело определяется экономическая структура общества, деление его на классы, а потому и классовая борьба и уже через их посредство вся остальная общественная жизнь и идеология. Но в силу чего происходит само это развитие техники? Марксизм уже не дает ответа на этот вопрос» [Франк, 1926, с. 28].

Развитие техники, если его понимать в духе марксизма, – это спонтанный процесс, идущий изнутри и не зависимый ни от каких внешних условий. Это значит, что совершенствование техники есть, по существу, следствие *умственного развития*, благодаря которому возникают всё новые технические изобретения. В конечном счете двигателями общественного развития являются изобретатели новых областей и методов производства. «Но ведь очевидно, что технические знания и умения зависят сами от знаний естественно-научных, а последние, в свою очередь, от общего умственного развития данной эпохи, – заключает Франк. – Так марксизм, пытаясь доказать, что “не сознание определяет бытие, а общественное бытие людей определяет их сознание”, совершив большой круг, в конечном итоге приходит к выводу, что общественное бытие всё же определяется человеческим сознанием, и притом сознанием чисто умственным, именно состоянием человеческих знаний и умением их развивать и совершенствовать» [Франк, 1926, с. 29].

Наконец, еще одним теоретическим положением марксистской социологии, которое, по мнению Франка, не выдерживает критики, является *прогрессизм*. Оно необходимо связано с техницизмом. Исторический материализм Франк квалифицирует как «чисто интеллектуалистическую теорию общественной жизни», которая в духе наивных представлений XVIII века полагает, будто «прогресс определяется развитием человеческого ума, так что стоит человеку только как следует подумать и поумнеть, чтобы усовершенствовать свою жизнь. Если всем остальным содержанием своего учения экономический материализм протестует против этого наивного мировоззрения, то в лице своей последней основы он сам является его выразителем» [Франк, 1926, с. 29]. Таким образом, согласно Франку, Маркс и Конт – несмотря на многочисленные и существенные различия их доктрин – сходятся в своей безотчётной сциентистской вере в социально-исторический прогресс человечества. Он зиждется, по их убеждению,

на неуклонном поступательном совершенствовании человеческого ума, следствием которого является прогрессивное развитие науки и техники. Франк показывает иллюзорность этой «оптимистической теории прогресса».

Во-первых, справедливо считает он, умственное развитие, хотя и определяет общественную жизнь людей, но в незначительной мере, ибо она зависит от «более глубоких, стихийных, органических причин». Во-вторых, само умственное развитие не происходит непрерывно и не совершенствуется постоянно. В истории человечества нередко случались застои и попятные движения, неоднократно происходили крушения великих культур, а им на смену приходили периоды варварства. Между тем эта оптимистическая теория лежит в основе экономического материализма, который представляет себе историю как процесс совершенствования человечества. «От первобытного коммунизма через натуральное хозяйство семьи, через помещичье хозяйство феодализма, товарное хозяйство и капитализм к идеалу совершенства – социализму, – таков простой и прямолинейный путь совершенствования общественной жизни по марксизму, соответствующий непрерывному процессу умственного развития, т.е. накопления технических знаний и умений, росту “производительных сил”» [Франк, 1926, с. 30].

По мнению Франка, с которым трудно не согласиться, вся эта умозрительная социологическая схема Маркса «есть не что иное, как *дурное наследие рационалистического оптимизма XVIII века*, научно давно уже опровергнутое». «И поскольку мы вправе этот рационалистический оптимизм, это плоское и узкое мировоззрение поставить в связь с тем *обездушиванием* человеческой жизни, которое характерно для буржуазного быта и жизненного стиля, мы вправе и здесь сказать, что марксизм пленен и внутренне проникнут буржуазным духом. Лишь там, где жизнь потеряла свое внутреннее содержание, где утерян вкус и чутье и к нравственной значительности жизни, и к ее религиозным глубинам, и к красоте, где вся жизнь сводится к холодным деловым сношениям, к расчетам и умственным комбинациям в искусстве наживы, сменившим собою и подвиг, и любовь, и все человеческие страсти, подъем и падения – лишь там может распространиться и возобладать нелепая и тупая мысль, что “ум” есть главный двигатель жизни, и что человечество постепенно всё “умнеет” и потому становится и всё счастливее и совершеннее. И этот холодный и тупой дух

буржуазной деловитости и буржуазного самодовольства в конечном счете лежит в основе марксизма» [Франк, 1926, с. 30].

Итак, вершина социально-исторического прогресса – социализм – это, по мнению Франка, «самый чудовищный и вредоносный плод универсального рационалистического оптимизма, веры во всемогущество и благодетельность одного лишь “ума” и делового расчета. (...)». Так в экономическом материализме, который эти стихийные глубины сужает и односторонне отождествляет с экономической жизнью, через объяснения последней из “роста производительных сил” и через попытку утвердить идеал социалистического нормирования хозяйства, рождается роковое и неразрешимое противоречие между органическим мировоззрением и плоским рационализмом; и под кажущейся законченностью и целостностью доктрины открываются зияющие, ничем не преодолимые провалы, которые только ходячее недомыслие и стадная неразмышляющая вера могут скрыть от умственного взора» [Франк, 1926, с. 30–31].

Этот приговор, который Франк вынес историческому материализму Маркса, марксистской социологии, есть одновременно приговор не менее спекулятивному и такому же «плоско-рационалистическому» проекту человеческой мысли – социологии как особой научной дисциплине, которая берет начало в «позитивной философии» Конта. Применение сциентистской натуралистической методологии в общественных и гуманитарных науках основано, как верно отмечал Франк, на «вере во всемогущество и благодетельность одного лишь “ума” и делового расчета». Сегодня она распространена еще шире, чем во времена Франка, в том числе в нашей стране.

После семидесятилетнего господства в СССР марксистско-ленинской идеологии, ядром которой был пресловутый «научный атеизм», эта вера, к сожалению, только укрепилась. Идеи совершенствования политического управления за счет тотальной цифровизации (в частности, создания единой биометрической базы данных), широкого внедрения в общественную жизнь искусственного интеллекта, в социальное познание – технологий bigdata и т.п. постоянно подпитываются новыми достижениями научно-технического прогресса. Последний неосознанно проецируется на культурно-историческое и общественное развитие, формируя в подрастающих поколениях иллюзию, будто оно представляет собой такое же неуклонное «прогрессивное» движе-

ние по прямой линии – некой универсальной магистрали человеческой цивилизации. Это заблуждение опасно тем, что ведет к принципиальной недооценке *духовно-нравственных основ* человеческой социальности. Вот почему надо помнить уроки русской революции начала XX века, которые С.Л. Франк блестяще извлек для нас в середине 1920-х годов.

Примечание

¹ Речь идёт о теории *стоимости* Маркса: в немецком языке стоимость и ценность обозначаются одним словом – *der Wert*.

Список литературы

Малинкин А.Н. К истории отечественной социологии 1920–1930-х гг.: советский марксизм «социология знания» // Социологический журнал. – 2021. – Т. 27, № 3. – С. 147–174. – DOI: 10.19181/ socjour.2021.27.3.8428

Франк С.Л. Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд. – Санкт-Петербург : Типография и литография В.А. Тихонова, 1900. – 371 с.

Франк С.Л. Сущность социологии // Русская мысль. – Москва, 1909. – Кн. 9. – С. 38–53.

Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. – Москва : Книгоиздательство «Берег», 1922. – 124 с.

Франк С.Л. Основы марксизма. – Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1926. – 50 с.

Франк С.Л. Политика и идеи (О программе «Полярной звезды») // Франк С.Л. Сочинения. – Москва : Издательство «Правда», 1990. – С. 65–76.

Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Франк С.Л. Духовные основы общества. – Москва : Республика, 1992. – С. 13–146.

Шелер М. Проблемы социологии знания / пер. с нем. А.Н. Малинкина. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2011а. – 320 с.

Шелер М. Предисловие Макса Шелера к первому изданию «Проблем социологии знания». Приложение // Макс Шелер. Проблемы социологии знания / пер. с нем. А.Н. Малинкина. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2011б. – С. 243–248.

Шелер М. К психологии английского этоса и лицемерия / пер. с нем., прим. и комм., сопровод. статья А.Н. Малинкин. – Изд-е второе, испр. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 144 с. – ISBN 978-5-98712-342-3.

References

Frank, S.L. *Teoriya tsennosti Marksa i yeyo znachenie. Kriticheskiy etyud* [Marx's Theory of Value and its Significance. Critical Study]. Saint Petersburg, Tipografiya i litografiya V.A. Tikhonova Publ., 1900. 371 p. (In Russ.)

Frank, S.L. *Sushchnost' sotsiologii* [Essence of Sociology]. *Russkaya mysl'*. Book IX. Moscow, 1909, pp. 38–53. (In Russ.)

Frank, S.L. *Ocherk metodologii obshchestvennykh nauk* [Essay on the Methodology of Social Sciences]. Moscow, Knigoizdatel'stvo Bereg Publ., 1922. 124 p. (In Russ.)

Frank, S.L. *Osnovy marksizma* [Fundamentals of Marxism]. Berlin, Yevraziyskoye knigoizdatel'stvo Publ., 1926. 50 p. (In Russ.)

Frank, S.L. *Politika i idei* (O programme «Polyarnoy zvezdy») [Politics and Ideas (About the Polar Star program)]. In S.L. Frank. *Sochineniya*. [S.L. Frank. Works]. Moscow, Izd-vo Pravda Publ., 1990, pp. 65–76. (In Russ.)

Frank, S.L. *Dukhovnyye osnovy obshchestva. Vvedeniye v sotsial'nuyu filosofiyu* [The spiritual foundations of society. Introduction to Social Philosophy]. In S.L. Frank. *Dukhovnyye osnovy obshchestva*. [Spiritual foundations of society]. Moscow, Izd-vo Respublika Publ., 1992, pp. 13–146. (In Russ.)

Malinkin, A.N. K istorii otechestvennoj socio-logii 1920–1930-h gg.: sovetskij marksizm vs «sociologiya znaniya» [To the History of Russian Sociology of the 1920–1930s: Soviet Marxism vs “Sociology of Knowledge”]. In *Sotsiologicheskii Zhurnal*. Vol. 27, no 3. 2021, pp. 147–174. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8428. (In Russ.)

Scheler, M. *Problemamy sotsiologii znaniya* [Problems of the Sociology of Knowledge]. Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2011a. 320 p. (In Russ.)

Scheler, M. *Predisloviye Maksa Shelera k pervomu izdaniyu «Problem sotsiologii znaniya»*. Prilozheniye [Preface by Max Scheler to the first edition of The Problems of the Sociology of Knowledge. Application]. In Maks Sheler. *Problemy sotsiologii znaniya* [Problems of the Sociology of Knowledge]. Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2011b, pp. 243–248. (In Russ.)

Scheler, M. *O pozitivistskoy filosofii istorii znaniya (zakon trokh stadiy Konta)* [On the Positivist Philosophy of the History of Knowledge (the Law of Three Stages of Comte)]. In Maks Sheler. *O sushchnosti filosofii. Raboty raznykh let* [About the essence of philosophy. Works of different years]. Moscow; Saint Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ. 2020, pp. 166–176. (In Russ.)

Scheler, M. *K psikhologii anglijskogo etosa i licemeriya* [On the Psychology of English Ethos and Cant]. Transl. from German, notes and comments, accompanying article by A.N. Malinkin. Moscow; Saint Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ. 2022. 144 p. (In Russ.)